

В. И. БЕЛОВ
(1932 – 2012)

* * *

Есть могила над Доном,
Где мой тезка¹ лежит,
А над ней, как и дома,
Летают стрижи.
Те же шорохи трав
На дорожных обочинах,
Так же дуют ветра,
Как в лесной Вологодчине.
Ветлы ветками машут
Над могилой солдата.
Горечь позднюю нашу
Не слышит Прокатов.
Ах, Василий, Василий,
Герой кузовлевский,
Сколько нынче в России
Сердец комсомольских!
По июньским ночам
На дорогах целинных
Бьют ребят по плечам
Не свинцовые ливни,
Запекаются губы
Не в кровавом бою
У парней лесорубов
В вологодском краю.
Но как прежде гудит
Наша юность набатом,
В каждой юной груди
Бьется сердце сержанта.
К счастью светлому двери
Нам открыть по плечу.
...В смерть солдатскую верить
Я, друзья, не хочу.
Будут новые даты
И новые боли,

---

¹ В 1943 году, выручая боевых товарищей, прикрыл собой амбразуру дзота комсомолец сержант Василий Прокатов, уроженец д. Кузовлево, Харовского района, Вологодской области.

Только Вася Прокатов
Навек в комсомоле.
Пусть не сеет, не пашет,
Не поет наши песни,
Звонкой юности нашей
Он вечный ровесник.
Он навечно в строю,
В нашей правде и силе,
Сердцем сына в бою
Заслонивший Россию.

РОССИЯ

Она меня не приласкала,
а обняла с железной хваткой,
жалеть и нянчиться не стала,
в борьбу втянула без остатка.

Борьба! Какое, скажут, слово-то, –
давно оскомину набило,
но в мире, надвое расколотом,
меня оно всегда будило.

Будило утром, днем и вечером
от сна, от голубого детства.
Борьба! И больше делать нечего
и никуда уже не деться.

А мир велик, суров и радостен,
моей Отчизной огорошен,
все меньше в жизни дряхлой гадости,
все больше свежести хорошей!

Но если я уйду из боя
для тишины и для бессилья,
ты не бери меня с собою,
ты прокляни меня, Россия!

ИЗ ПОЭМЫ «ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ». «ПОЕЗДА»

За окном в тальнике по пояс
Путевые бегут столбы,
И гудит мне веселый поезд
О дорогах моей судьбы.
Будто линии нотных строчек,
Не кончаются провода,
Будто поезд прорваться хочет
Сквозь непрожитые года...
Пилигриму стальных дорог,
Мне опять не уснуть на волос,

Потому что гудит гудок –
Безбилетного детства голос;
Потому что, как тот приказ,
Как мечта и решение спора,
Мне мигает зеленый глаз
Вечно бодрого светофора.
Век двадцатый, моя страда,
Радость нового, жажда духа!
Я желаю вам, поезда,
Как друзьям, ни пера, ни пуха.
Торопитесь на луч звезды,
Что щемяще далек и тонок.
Мы для быстрой живем езды,
Для коротеньких остановок.

ОЛЬХА У ДОРОГИ

На земле неволожной²
От подзола³ и мха,
Сиротой придорожной
Притулилась ольха.
И в жару, и в морозы
Из ольховой страны
Плыли мимо обозы
Необъятной длины.
Уезжая, скрипели
От чувалов⁴ и фляг,
Возвращались – гремели,
Потому – порожняк⁵.
Днем и ночью колеса
Рвали жилы корней
И ольховые росы
Обивали с ветвей.
И любого возницу
Угораздило тут
Либо выломать вицу⁶,
Либо вырезать прут.
И обидным и странным
Мне казалось не раз,
Что ольховые раны
Заживали тотчас;
Что недолго сочится,
Не горька, не густа,
Из коры сукровица
На больные места.
Только ветры обдуют,

---

² *Неволожная* – нежирная, непитательная, скудная.

³ *Подзол* – малоплодородная серовато-белая почва.

⁴ *Чувал* – мешок, упаковка тюка с товаром.

⁵ *Порожняк* – транспорт, идущий без груза.

⁶ *Вица* – гибкий прут в палец толщиной.

Ополоснут дождем –
Не узнать молодую
Под зеленым огнем.
Ей мое преклоненье,
Восхищенье мое
За такое терпенье,
За живучесть ее.

МАРТ

Поле словно сорочкой
Белоснежной покрыто,
Как машинною строчкой
Огородом прошито.
По звенящему насту
Хоть в поскотину топай
От берез голенастых
Вдоль по заячьим тропам.
Зайцы смело к овинам
Прибегают впотьмах.
В эту пору скотина
Истомилась в хлевах.
Молодецки призывно
По закутам глухим,
Скособочась, надрывно
Поют петухи.
Зоревые ветра
На поветях шуршат,
Трактористы с утра
Трактора потрошат.
В эту пору морозную
Все тропинки на улице
Не в контору колхозную,
А в колхозную кузницу.
Долгим вздохом коровьим
Раз вздохнувши, меха
Под задымленной кровлей
Не устанут вздыхать!
Искровые каскады,
Терпкий запах дымка,
Стук тяжелой кувалды,
Стукоток молотка.
Славословья не надо,
Без него – веселей,
Здесь куется награда
Богатырской земле!

ВОЛОГДА

Вологда – зеленый городок,

Севера ольхового столица,
Ты прости, что раньше я не мог
У тебя навек остановиться.

Все искал чего-то вдалеке,
По земле мотался вкривь и вкось,
А теперь вот в тихом городке
Все, что надо, все почти нашлось...

Бьется сердце радостное глухо
Оттого, что юность коротка.
...Чуть левее речка Золотуха,
Чуть правее Вологда-река.

Купола старинного собора
Синевой затоплены неяркой.
По мосту идут не зимогоры⁷,
Лесорубы ходят и доярки.

Покупают булки и калоши,
Примеряют ситчики⁸ к плечу...
Я себя от желчи нехорошей
Этими покупками лечу.

Мне целебен здешний говорок,
И не даст вовеки заблудиться
Вологда, зеленый городок,
Севера ольхового столица.

Лишь тревожным быть не перестал
Шалопутный парень-вологжанин:
Слишком много дедовским местам
Мы с тобою, сердце, задолжали.

НОВОСТРОЙ

Не знаю, с чего и начать рассказ об этом, в общем-то будничном происшествии. Сия история скучна и банальна⁹, но я чувствую, что рассказать о ней все-таки надо. Почему? Я даже не могу объяснить. Бывают ведь и необъяснимые вещи, стыдиться чего вряд ли уж так необходимо.

Д...во – обычная деревня, каких можно набрать тысячи. Пожилые люди рассказывают легенды о сожжении деревни «литвой»¹⁰, значит, селение существовало еще до польско-литовского разорения, вошедшего в историю под названием Смутного времени.

Итак, Д...во существует не менее трех с половиной веков. (Упоминая об этом примечательном факте, я не осмеливаюсь назвать деревню полным именем, поскольку на себе испытал, что есть так называемый местный дурно понятый патриотизм.)

Ничего не скажешь, деревня была построена на красивом бугре. Чистая, к счастью, еще

---

⁷ Зимогоры – бродяги, босяки.

⁸ Ситчик, ситец – легкая хлопчатобумажная ткань.

⁹ Банальна – обыденна, не отличающаяся оригинальностью.

¹⁰ «Литва» – здесь: литовцы, балтийский народ.

не пересохшая речка огибает бугор с трех сторон, отгораживая селение от живописного лесного массива, спадающего с юга к речным сенокосам. К северу, сразу за частными огородами, разметалось обширное, ныне совхозное поле, на востоке и западе видны другие поля, селения, перелески. Словом, хорошие места. Единственное; что плохо, это далеко от большой дороги. Но, может быть, поэтому в Д...ве еще и сохранились старинные, по-северному широкие, пятистенки-дома¹¹. Не дома, а целые, обшитые тёсом¹², терема: с резными князьками¹³ и с обширными задами и въездами, со множеством прорубленных ворот, воротцев и волоковых¹⁴ окошечек. Как раз такой дом у моего героя Ивана Андреевича, которого прозвали здесь Новостроем.

Надо знать крестьянский северный дом, чтобы хоть кое-как представить здешнюю жизнь прежде и теперь. Для этого надо побывать в Кижях¹⁵ и увидеть, например, дом Ошевнева. Надо пожить в таком доме, но не в музейной тишине и умиротворении, а в нормальной будничной обстановке, хотя б у того же Ивана Андреевича. Только тогда и поймешь кое-что, может, еще и ничего не поймешь.

Для чего, к примеру, такая обширность? В летней избе, по-нашему передке, можно играть в футбол, либо кататься на велосипеде (что и делается, разумеется, не стариками, живущими тут, а их внуками, приезжающими из городов, обычно в летнюю пору). Раньше на праздниках одна только летняя половина вмещала человек сорок гостей, да столько же, а то и больше не гостей, то есть зрителей. На повети¹⁶ до сенокоса не меньший простор. Подвалы, хлевы¹⁷ и дворы – внизу; сверху – врубленные в стены сенники¹⁸, перевалы и чуланы. На чердаке, а по-здешнему, на вышке – маленькая опрятная светелка. И это не считая зимней избы, то есть зимовки, как у нас говорят. И впрямь, на первый взгляд, вроде бы и ни к чему такие масштабы. Но, привыкнув к ним, ты почувствуешь, как скучно, тесно и неловко было бы жить в жалких пределах среднерусской избы, или украинской хаты, или в городской стандартной квартире из двух, заставленных мебелью, комнат. Летом в открытые окна передка влетает и плавает по избе пух одуванчиков.

Полы, вымытые женой Ивана Андреевича, застланы домоткаными половиками. Они не скрипят, гасят шаги и вызывают желание полежать прямо вот так на полу. Сосновые стены как бы светятся изнутри, напоминая янтарь. Полати над головой при входе тоже янтарного цвета, они соединены с большой, сбитой из глины, печью. Печь эта с тремя ажурными печурами и с карнизом по кожуху побелена не яркой, не белоснежной известью, а раствором золы – в спокойный, молочно-серый цвет. Тесаный потолок с мылом вымыт к Первому мая. Лавки в передке такие широкие, что на них обычно спят командированные, если придет их не один и не два. Покрашен только стол, застланный клеенкой. Вот, примерно, та обстановка, в которой жил Иван Андреевич.

За что прозвали его Новостроем? Обычно в наших краях прозвище говорит само за себя. Иван Андреевич умен, хозяйственен и изобретателен. Еще в молодости, до колхозов, он ввел в хозяйстве четырехпольный севооборот¹⁹ и начал сеять клевер. Потом, уже при колхозах, он то заведет гусей, то прокопает у реки канаву для рыбной ловли. То вдруг сделает хлев с вентиляцией, то привезет откуда-то и посадит яблоневые саженцы.

---

¹¹ *Пятистенка* – деревянная прямоугольная постройка, разделенная внутренней стеной на две части: жилую и нежилую, хозяйственную.

¹² *Тёс* – тонкие доски.

¹³ *Князёк* – гребень двускатной крыши.

¹⁴ *Волоковое окошко* – небольшое окно, вырубленное в бревнах деревянного сруба, закрывающееся (заволакивающееся) задвижкой.

¹⁵ *Кижы* – архитектурный ансамбль в Карелии.

¹⁶ *Поветь* – сарай, нежилая пристройка к деревенскому дому для хранения корма для скота, сельскохозяйственных орудий, телег, хозяйственных принадлежностей.

¹⁷ *Хлев* – крытый загон для крупных домашних животных.

¹⁸ *Сенник* – сарай для сена.

¹⁹ *Севооборот* – выращивание каждый год новых культур на поле: клевера, озимой пшеницы, свеклы, ячменя.

А народ здешний переимчив, друг дружке не уступают. Что у одного есть, то и другому давай, да еще и лучше, чтобы соседа перефорсить. Поэтому с легкой руки Ивана Андреевича в деревне внедрилось многое из того, что раньше было вообще неизвестно. (Например, та же клубника на огороде, или громоотвод, или гребень для собирания черники.)

Вероятно, Иван Андреевич постепенно вошел в роль деревенского прогрессиста. Ему уже нравилось быть зачинателем. И вот теперь, выйдя на пенсию, он занялся очередным новшеством – решил начисто переоборудовать жилье и баню. Не могу сказать, что было первым толчком для этих преобразований. Всего скорее – повлияла внучка-студентка, приезжавшая летом с подругой и двумя парнями, которые ходили по деревне то в джинсах, а то и вообще в одних плавках. Внучка стыдилась перед своими сверстниками топить баню и краснела от того, что уборная на повети не запиралась, а слово «полати»²⁰ просто не переваривала.

Иван Андреевич начал с того, что вытащил из передка широкие, опоясывавшие все стены, лавки. В передке стало еще просторнее. Иван Андреевич купил в магазине сельпо²¹ дюжину стульев и расставил их в красном углу вокруг стола. Не прошло и месяца, как чуть ли не вся деревня сделала то же самое: лавки начали выволакивать не только из передков, но и из зимовок, пилили их на дрова либо оставляли на улице около палисадов²².

Никто не знал, что будет дальше, но все один по-за другому сделали именно так. Иван же Андреевич разломал и выкинул из передка еще и полати. Жена его, Наталья, несмело пыталась протестовать: зимой на полатах всегда хранился лук, и в избе без полатей стало как-то пустынно. Но Иван Андреевич не слушал старуху. Все стены в передке кое-как оклеили голубыми обоями. Иван Андреевич покрасил дверные косяки тоже голубым, половики выбросили и пол тоже покрасили, правда, не в голубое, а в коричневое. И опять же двое соседей Ивана Андреевича не стали терять времени, они сделали то же самое, только обои купили другой расцветки. За этими соседями избы оклеили и покрасили еще в двух или трех домах. К следующему Первому мая вся деревня только и думала, где бы купить краски, обоев, олифы и т.д. Все-таки до города было далеко и за материалами ездили по очереди.

Что можно было сказать обо всем этом? Я не узнал деревню, когда приехал сюда. В каждом доме скрипели жидкие сельповские стулья, на них было боязно садиться. Иные уже валялись на чердаках и в разломанном виде. Голубые и розовые обои, оборванные котами и ребятишками, лоскутьями висели на стенах. Клопы, букашки и мокрицы, уже завелись под ними. Стены уже нельзя было мыть на праздники с мылом, голубые и коричневые косяки, заборки и матицы²³ выглядели удручающе и нелепо, но покамест никто не замечал этого. Наоборот, я примечал гордость во взглядах, вот, мол, и у нас не хуже, чем у других.

Мне казалось, что на этом жители Д...ва приостановятся в своем неумеренном стремлении к прогрессу, к городской культуре, и я не ошибся. Больше того, первый зачинатель и прогрессист Иван Андреевич вскоре попал в жестокий просак, он явно перестарался.

Однажды, незадолго до нового приезда упомянутой мною внучки, Иван Андреевич вздумал ликвидировать в передке русскую печь и сложить вместо нее щиток с плитой, как у нас говорят, «голландку»²⁴. Раньше Наталья не особенно противилась мужниным начинаниям, теперь же, несмотря на одряхление и старость, встала-таки за печь горой. Но она не смогла переупрямить мужа.

В самом деле, что значит для деревенской хозяйки русская печь? Да и не обязательно для хозяйки? От рождения и до смерти каждого сельского жителя печь была в доме средоточием жизни, центром всего и вся. По старым, еще языческим верованиям, под печью

---

²⁰ *Полати* – лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью; деревянный настил, сооружаемый под потолком.

²¹ *Сельпо* – сокр. от сельское потребительское общество.

²² *Палисад* – забор, частокол.

²³ *Матица* – потолочная балка.

²⁴ *Голландка* – высокая прямоугольная печь.

жил хранитель и пестун всего хозяйства – домовой, печь кормила и обогревала, лечила болезни, утешала и успокаивала людей в горькие или холодные ночи. Она сушила зерно, лучину, плотницкие и столярные заготовки, грела для скота воду и поило, была пристанищем детям, старикам и увечным. Печь не остывала в доме порою по сто или более лет, пока не построят новый дом. Холодный очаг означал смерть, небытие...

Когда Иван Андреевич разломал печь в передке, Наталья сперва перестала быть разговорчивой, потом как-то незаметно сгорбилась, ослепла, лежала недельку и умерла. На похороны приехали из разных городов сыновья и дочери, справили небольшие поминки, а заодно помогли Ивану Андреевичу выволочить брусья от опечка²⁵, глину и лишние кирпичи. Когда все разъехались, он сам сложил маленькую печку с плитой, и я зашел как-то к нему в передок. Он сидел за столом в фуфайке²⁶. У нас не получилось ни беседы, ни разговора. Слишком неуютно было в этой большой, даже летом холодной избе, окрашенной и оклеенной, с шестью или семью стульями вместо лавок, со старинным шкафом, который стоял у стены как-то совсем нелепо и неуместно...

«Интересно, – подумал я, уходя, – последуют ли соседи такому примеру? Начнут ли сразу крушить печи или немного погодят?» Тогда мне не удалось узнать этого, надо было уезжать. И вот совсем недавно, спустя год после того, я вновь побывал в Д...ве. Оказалось, что под горячую руку два соседа Ивана Андреевича разломали было печи. Но они быстро, буквально через два месяца, одумались, и им пришлось звать того же Ивана Андреевича, чтобы восстанавливать разрушенное. Выпекать пироги, варить суп и греть воду для скота приходилось в зимовках, тогда как жили в летнее время в передке, а это оказалось не очень-то сподручным. Мужики устыдились содеянного. У них хватило не только здравого смысла, но и юмора, чтобы поиздеваться над собственной ошибкой:

– Эк, как нас Иван-то Андреевич подвел! – рассказывали они кому надо и не надо. – Как подвел!

Иван же Андреевич по-прежнему твердил о вреде и ненужности этой «хламины». Никто не мог доказать ему, что он зря изломал большую печь и поставил щиток, старик упрямо отстаивал прежние, взгляды.

Однажды, уже под осень, сосед-тракторист ездил за пять километров в деревню... и неожиданно обнаружил там Ивана Андреевича. Тот сначала помалкивал, лежа на печи, но его выдал кашель... Выяснилось, что Иван Андреевич не зря за пять километров ходил за хлебом. Изредка он заходил к свату и, ссылаясь на простуду, лазал на печку греться. Но даже после того, как об этом узнали все в Д...ве, он продолжал твердить свое, мол, печь не нужна, мол, все сделал правильно. «Откуда такое упрямство и самолюбие? Неужели так трудно признать ошибку?» – спрашиваю я сам себя. И не нахожу ни ответа, ни объяснения. Иван Андреевич по-прежнему чуть ли не с пеной у рта пред всеми отстаивает свою правоту. Он стал всеобщим посмешищем, и его называют теперь чуть ли не дурачком. Жаль, ведь хороший и умный, в общем-то, человек...

ПОЮЩИЕ КАМНИ

Обогнув соседний островок, я пересек полевою дорожку и взбежал на правобережный бугор. Все было затоплено ярким вешним солнцем, река мерцала острыми золотыми звездами, над теплым, наполовину вспаханным полем дрожали прозрачные волнистые струи. На пашне переваливались с боку на бок белоносые грачи, в зацветающих лужах кряхтели лягушки, свежо и ярко светились высыпавшие на травку желтые «пятачки» мать-и-мачехи.

Я сел на чемодан и долго глядел на разлив. Никто не знал, как стосковался я по этой родимой водополище, как часто снилась мне эта синяя речная дорога, затопившая пойму с ее

---

²⁵ *Опечек* – нижняя часть русской печи.

²⁶ *Фуфайка* – теплая нательная одежда.

кустами и изгородями, с прокопченными банями по обоим берегам, с мостками, где бабы полощут белье, с овальными, как гороховые стручки, долбленными лодками.

Вода ровно шумела на много верст в обе стороны. Сквозь этот ровный широкий шум прорвался вместе с ветром рокоток трактора и затих за сквозной рощицей, за белоногим березняком. Вдруг метрах в трех от меня стремительно и отвесно поднялся жаворонок. Словно захлебываясь от весеннего счастья, он трепыхал крыльями, то опускался, то вновь поднимался, делаясь все меньше, пока совсем не растворился в бело-синем небесном молоке. Я уже не видел его, только глаза мне сдавило непостижимо яркое небо. Но, странное дело, жаворонок пел все громче. Было непонятно, как этот крохотный ликующий комочек издает такие сильные, то булькающие, то журчащие с присвистом, непрерывающиеся звуки. Когда эта птаха успевает глотнуть синего воздуха? Как не разорвется от этой мощной песни ее маленькое, меньше наперстка, сердечко? Откуда такое богатство? Я задрал голову: чуть левее поднялся другой, потом третий. Они пели каждый свое, не мешая друг другу; и казалось, что поет само громадное синее небо.

А река шумела все так же ровно, широко, и все так же мерцали на ее плесе золотые острые искры. Я глядел на белеющую драночными крышами деревню, слушал жаворонка, и детство приближалось ко мне, воскресало в памяти. Вот он, тот самый бугор, где я пас когда-то дурашливых мокрогубых телят и палил со сверстниками костры! Он пахнет согретой землей, и та же река омывает его, а в реке ходят в траву на нерест зеленые щуки. А это поле исхоженное, изъезженное, перепаханное тысячи раз, с камнями от древних ледников и с гнездами жаворонков – разве не мое это поле? Шум реки над вешней землей – словно шум времени. Он напоминает мне о моих предках, он волнует и что-то ворошит в обновленном сердце, но более отчетливые образы заслоняют сейчас это что-то. Там, вдалеке, я вижу лодку, вытасченную из воды на две трети, с торчащим легким веслом, на котором сушится рыбацья снасть. Может, на этой лодке я ездил на тот берег на первое свидание, а по берегам светились глазками мать-и-мачехи первая любовь...

Я сжал виски ладонями, раскуривая последнюю сигарету. Жаворонки пели все так же, не уставая и не стихая. Мне вспомнился такой же праздничный давнишний майский полдень, когда я ездил на лодке к девушке за реку, и как сосед старик с женским прозвищем Окуля давал мне свою лодку. Сталкивая лодку в реку, он учил меня, как надо разговаривать с дролей наедине. «Первое дело тебе, парень, гармонья нужна. С гармоньей ты в любое время любую завлечешь, ну и слова подходящие нужны, к примеру. А самое главное – первое слово. Ежели ты сказал первое слово в точку, потом уже само дело пойдет. Ну, а какое это слово, это от всяких причин в зависимости».

Я слушал тогда его с острым любопытством влюбленного мальчишки и, краснея до самых ключиц, отворачивался, а Окуля вязал свою речь, искренне заинтересованный в моем успехе. Помнится, однажды я пригнал лодку далеко за полночь, с первыми петухами. Пока я был на том берегу, вода в реке намного убавилась, месяц выплыл над берегом, и деревня спала легким весенним сном. А около бани, на бревне, у самой воды сидел Окуля и палил табак.

– Что, брат, – сказал он, – не приморозит к утру, как думаешь? Я вот гадаю: закрыть парники аль не надо? Ладно, не вытаскивай лодку-то, все равно сейчас верши глядеть поеду.

Он ни словом не намекнул о позднем возвращении, никто в округе не узнал о моей заречной любви. Я был благодарен ему за это. Та моя весна, как песня жаворонка, звенела счастливо и долго; но пришла другая весна, совсем другая: за реку незачем, не к кому было уже ездить... Помнится, я тоже собирался уезжать из деревни, пахал в последний раз на этом поле, а Окуля возил мешки с зерном, и мы отдыхали с ним на этом бугре. Тогда так же почти из-под носа взлетел жаворонок и запел, а Окуля погасил сигарку.

– Ишь, греховодник, что выкомариват! Вроде бы и без паспорта живет, а поет и поет, хоть бы что ему! А слышал ты, откуда эта веселая птица пошла? Не мудрено и не слышать, давнишнее дело, мне и не сказать, какое это дело давнишнее. Жил, значит, на этом берегу мужик молодой, жил, да землю пахал, да подсеки рубил, ячмень сеял. А лес тут был тогда не

чета нашему, деревья росли в два обхвата. Так и жил здешний мужик, никого не обижал и сам никого не боялся; была у него и жена молодая, сидит в избе да куделю прядет, пока мужик работает. Хорошая была жена, тоже работница. Вот весной о такую пору выехал пахарь на поле, соху в землю воткнул, прошел раз, другой, пот утирает. А под сохой только камень скыркает, соха выскакивает, того и гляди зубы вышибет. Много было камня, камень на камне. Шаг ступишь – соха чирк, – и опять борозда изпохаблена. Умаялся пахарь, сел на это самое место. Вдруг из лесу вышла царевна лесная, вышла, да и стоит. Глаза будто заводи, коса до колен, руки белые, кокошник в золотой паутине, травинки первые к ней так и тянутся. «Полюби, говорит, меня, молодец. Аль нехороша я кажусь тебе, пахарь?» Встал он у сохи, глядит, на такое диво дивится, да и говорит: «Как нехороша, хороша! Только не дело, милая, не к тому я тут приставлен, чтобы глядеть в такие очи. Земля сохнет, камня много, солнышко ниже катится, меня не дожидается». Пошел за сохой, землю отваливает, а соха чирк – опять на камень наскочила. Глядит на пахаря лесная царевна, слезы росой катятся. «Не полюбишь?» – говорит. «Нет, милая, не мужицкое это дело, от своей жены на сторону» – «Ну, коли так, скажи, пахарь, что тебе за верность твою мужскую сделать?» – «Ничего, говорит, мне не надо, красавица, спасибо на добром слове». Взяла она камень с полосы, обмыла слезами своими, обтерла мягкой косой, подала ему, да и говорит: «Кинь, молодец, этот камень повыше, в синее небо, да гляди зорче, как он летит». Размахнулся пахарь, кинул, а камень-то обернулся веселым жаворонком, замахал крылышками и запел взхлеб. И вот тогда со всего поля поднялись камушки в небо, забулькали вешней водой, и стала пашня без единого камня, легла под сохой черным пухом. Оглянулся пахарь, глядит, а царевны-то и нет, только воздух дрожит на том месте. Вот, брат, откуда пошла веселая птица жаворонок! С той поры и поет каждую весну. Только проходил этим полем один раз вельможа с ружьем и начал стрелять жаворонков для своей забавы, и на голову ему посыпался каменный град, каждая градина по кулаку. С той поры опять в поле стало много камнейев.

...Сейчас, через много лет, вспоминая Окулин рассказ о поющих камнях, я долго сидел на чемодане, глядел на разлив, слушал захлебывающуюся песню жаворонка. Вокруг меня вздыхала весна, река шумела, солнце было нестерпимо ярким и высоким.

Звенящие камешки купались в небесной сини, то падали, то вновь взмывали к самому солнцу.

Где ты сейчас, дед Окуля? Жив ли, цела ли твоя лодка? И может быть, свозит она меня на тот берег еще раз, может, увижу я вновь незабываемые глаза, может, помнят меня на том берегу?